

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ФУНКЦИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕНОВАНИЙ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05. Педагогическое образование
по профилю «Русский язык и литература»
заочной формы обучения, группы 02031251
Яковлевой Рашиды Аксановны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
Левина Э.М.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Необходимые теоретические сведения	11
1.1 Теоретические основы ономастики	11
1.2 Имя собственное как вид поэтической номинации	14
1.3. Специфика поэзии М. Цветаевой	22
Глава 2 Имена собственные в поэзии М. Цветаевой	25
2.1.Краткая характеристика ономастикона М. Цветаевой	25
2.2. Антропонимы в лирике М. Цветаевой	27
2.3. Топонимы как культурные маркеры стихотворных текстов	36
2.4. Функции мифонимов в лирике М. Цветаевой	44
2.5.Лексикографирование имен собственных	46
2.6. РУСЬ, РОССИЯ в поэтических текстах М.Цветаевой	51
(методическая разработка интегрированного урока)	
Заключение	59
Литература	62

ВВЕДЕНИЕ

Каковы истоки имён и фамилий людей? Какую информацию можно получить, анализируя географические названия? Как возникли наименования звёзд, планет, созвездий? Это лишь часть вопросов, на которые даёт ответы специальная лингвистическая наука – ономастика.

Собственные имена привлекали внимание учёных с давних пор. Историю их возникновения, значение и смысл, связь с жизнью общества, с мировоззрениями и верованиями людей, с окружающей нас природой, а также метаморфозы, происходившие с ними на протяжении эпох, изучали и изучают представители различных научных дисциплин – истории, географии, этнографии, краеведения, психологии, литературоведения. И всё же собственные имена становятся объектом пристального внимания в первую очередь филологов.

Имена собственные (далее ИС) – своеобразный и недостаточно исследованный разряд слов, который можно изучать по различным аспектам. Сам термин **имя собственное** (оним, оноим) представляет собой кальку лат. *nomēn p̄p̄riūm*. «Оним – от греческого *ονομα* (имя, название) и обозначает слово, словосочетание или предложение, которое выделяет именуемый объект из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская 1978:91]

Подкласс ИС в классе имен был выделен стоиками (III в. до н. э.). Отдельные замечания, связанные с исследованием онимов, находим уже у древнеегипетских, древнегреческих и древнерусских ученых. Как отдельная, самостоятельная группа слов, противопоставленная всему лексическому составу, ИС были выделены Хрисиппом (древнегреческий философ, главный систематизатор раннего стоицизма, разрабатывавший логику высказываний). Однако в дальнейшем, в эпоху Возрождения, в течение всего 19 столетия продолжались споры об ИС по различным аспектам среди таких исследователей, как Дж. Локк, Джон Стюарт Милль, Х. Джозеф и др.

Четкое выделение и разграничение ИС, противопоставленных всему остальному лексическому составу языка (соответственно им – аппелятив), было достигнуто в 60 – 70-е годы 20 века.

Однако, несмотря на длительную историю исследования ономастической лексики, в наше время остается целый ряд вопросов, которые в современной лингвистической науке решаются неоднозначно. Укажем на некоторые из них.

Существуют разногласия в вопросе об объеме ИС, следует выделить узкое и широкое понимание этого разряда слов. При широком понимании в разряд ИС включаются несловные языковые единицы наряду с моноксемными образованиями («**Тени исчезают в полдень**», «**Русский язык в школе**», «**Общая теория имени собственного**» и т. п.), а также сокращенные наименования различного типа – **ЯК-40**, **ФАУ-2** и т. п.). Такое понимание ИС отражено в работах В. А. Никонова, В. А. Подольской, А. Соломоника, А. В. Суперанской и некоторых других исследователей. При узком понимании в разряд ИС не включаются несловные языковые единицы, сокращенные наименования. Так, Л. Л. Буланин считает, что необходимо признать «факт субстантивации, отчего, однако, пока воздерживается и научная, и тем более школьная грамматика» [Буланин 1976: 32-33]. По мнению других исследователей, такие языковые факты следует признать аналогами имен существительных или указывать, что сокращенное название употреблено в роли собственного существительного.

В качестве опорного в работе будем считать определение, предложенное Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии», где ИС – «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская 1978: 13].

Одним из спорных вопросов в области исследования ономастической лексики стало определение своеобразия значения ИС. Некоторые исследователи утверждают, что онимы лишены значения. Так, английский логик Джон Стюарт Милль считал, что ИС – меткие или своеобразные ярлыки,

помогающие указывать на предметы или отличать их друг от друга. Имена не «коннотатируют» вещь (не описывают и не обозначают ее), а лишь «денотатируют», или называют ее. Такую же точку зрения высказывали В. Брендаль, Э. Бойсемс, Л. Ельмслев. Прямо противоположного мнения придерживались философы-стоики, в дальнейшем – Х. Джозеф, О. Есперсон, М. Бреаль и др. Х. Джозеф утверждал, что ИС «имеет даже больше значения, чем нарицательное».

По мнению А. В. Суперанской, «отсутствие единой, общепринятой концепции имени собственного во многом объясняется различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в диаметрально противоположных направлениях. Отсюда попарно противоположные теории, основывающиеся на связи имени собственного с понятием и именуемым объектом» [Суперанская 1973:88]. Важное, на наш взгляд, замечание высказано Э. Б. Магазаником, который справедливо называл онимы абстрактно-конкретной категорией языка. В случае если функция имени – что-то обозначать, указывать на какой-то объект - реализуется, абстрактное сочетание с конкретным; в других случаях имя включает в себе сочетание абстрактного и конкретного как потенциальную возможность, которая всегда осуществится и которая лежит в самой природе имени. «Сущность собственных имен противоречива, в одних случаях она оборачивается абстракцией имени вообще, чье-то имени, в других – всей полнотой признаков известного носителя имени» [Магазаник 1978: 19]. Следует указать, что в семантике имени сконцентрированы речевые (адресные) и экстралингвистические (исторические и географические, психологические, эмоциональные и идеологические) признаки.

В числе наиболее важных проблем в области изучения ИС назовем также вопросы – о границе ономастической лексики и нарицательной, о системных связях в ономастическом пространстве, проблемах объема и содержания ономастического пространства, поэтической ономастики и др.

Теория имен собственных называется ономастикой. В основе этого термина лежит греческое слово **onomastike** – «искусство давать имена». Указанное понятие принято употреблять в двух значениях:

- 1) совокупность имен собственных;
- 2) наука об именах собственных.

Таким образом, ономастика занимается исследованием собственных наименований различных типов. Кроме того, наука об ИС изучает историю возникновения номинации, традиции, связанные с выбором имен, функционирование онимов в речи, а также вопрос о классификации ИС.

В основе классификации ономастической лексики лежит распределение обозначаемых ИС объектов и явлений по разным категориям в связи с именуемым предметом. Значительную группу ИС представляют наименования реально существующих предметов, явлений и лиц – **реалионимы**, им противопоставлены **мифонимы** – именованья созданных, выдуманных предметов, явлений и лиц. В первой группе достаточно четко выделяются слова, связанные с объективными (природными, жизненными) характеристиками и функциями называемых объектов: **топонимы** (названия гор, рек, озер, морей, городов, поселков и т. п.), **антропонимы** (имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы людей), **космонимы** и **астронимы** (названия участков, зон космического пространства и отдельных космических объектов – звезд, комет, астероидов, планет), **зоонимы** (клички животных), **эргонимы** (собственные имена деловых объединений людей, в частности союзов, организаций, обществ и т. д.) и другие ИС.

В науке об ИС существует немало и других типов классификаций ономастической лексики. Подробно этот вопрос представлен в работах таких исследователей, как: В.Д. Бондалетов, В. А. Никонов, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская и др. [Никонов 1974, Подольская 1978, Суперанская 2009]. Так, в зависимости от особенностей функционирования ономастика делится на реальную и поэтическую, литературную и диалектную, современную и историческую, теоретическую и прикладную. Объект исследования ономастики

– история возникновения имен, принципы и мотивы номинаций, пути возникновения онимов, переходы ономастической лексики из одного класса в другой.

Изучение поэтической ономастики (литературно-художественной) – одна из важнейших проблем науки об именах – занимает особое место в лингвостилистическом анализе художественного текста. Достаточно активное употребление ономастической лексики в литературных произведениях позволяет говорить о том, что ИС являются своеобразной лексико-грамматической и стилистической категорией, «являющейся существенным компонентом образной ткани художественного произведения» (Михайлов 1966: 41). Функционирование онимов в художественной литературе открывает большой простор для исследования и наблюдения. Семантика и экспрессивные возможности ИС подробно рассмотрены в работах В. Н. Михайлова, А.И. Ефимова, Э. Б. Магазаника и др. [Ефимов 1969, Ковалев 2004, Магазаник 1978, и др.].

При определении «степени стилистической эффективности» (термин В. Н. Михайлова) важно, во-первых, установить и описать функции, которые выполняет имя в том или ином литературном произведении, во-вторых, выявить те факторы, которые создают экспрессивные возможности в ИС как категории художественной речи. Одним из главных условий возникновения экспрессии в ониме можно назвать развитие богатого ассоциативного фона, причем возможны различного типа ассоциативные связи [Левина 2003: 9].

Плотность ИС в художественном тексте может быть различной, что определяется авторскими задачами, жанром литературного произведения количеством персонажей. Однако богатство использования достигается не только количественным составом, но и разнообразием приемов употребления. Богатство ономастического пространства достигается широтой ассоциативного фона, многообразием функций имени, использование приема обыгрывания. «Веер собственных имен в художественном тексте не только повышает плотность текста, но и делает художественную проекцию уникальной, а без

массива уникального невозможно подняться к осмыслению и постижению универсального» [Харченко 1988:33].

Тема представляемой работы – **Функции собственных именований в художественном тексте (на материале лирики Марины Цветаевой).**

Объектом исследования являются ономастические единицы, выявленные в поэтических текстах М.Цветаевой. Всего проанализировано 274 примера, включая различные случаи-варианты употребления имен собственных в текстах.

Предмет исследования – особенности функционирования ономастической лексики в поэтических текстах М.Цветаевой.

Цель исследования – выявление особенностей функционирования ономастической лексики в художественной речи, а также средств и способов достижения её выразительности в произведениях М. Цветаевой. Цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

1. Сбор фактического материала.
2. Изучение теоретических источников, связанных с вопросами функционирования ономастической лексики в художественной речи.
3. Систематизация и классификация ономастического материала.
4. Определение функций имён собственных в художественной речи.
5. Выявление средств и способов выразительности имён собственных.

Решение этих задач позволит подойти к достижению цели предлагаемого исследования.

Цель и задачи исследования определили **научную новизну работы**. Выбор для подобного исследования обусловлен, во-первых, важностью, значимостью и актуальностью ономастики как раздела лингвистики; во-вторых, собранный и проанализированный в работе материал позволит расширить знания о художественных возможностях имён собственных в поэтических текстах. Несмотря на довольно большое количество работ, исследующих или затрагивающих проблемы имён собственных в обыденной речи,

художественных текстах, современных документах, литературных и исторических памятниках, вопрос о специфике имени в поэтических текстах разработан далеко не полно.

Актуальность подобного исследования определяется необходимостью дальнейшего исследования различных типов ономастической лексики и их недостаточной изученностью в поэтических текстах. Описание имён собственных в поэтических жанрах позволит глубже проникнуть в семантический строй русского слова и выявить внутренние закономерности поэтических текстов.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, списков использованной литературы и источников. **Введение** содержит необходимую информацию о материале, а также общую характеристику работы, её цели и задачи. В **Первой главе** содержатся теоретические сведения по теме – определение основных понятий, история развития антропонимики и топонимики как наук, выразительные возможности топонимов и антропонимов, характеристика языка Марины Цветаевой. **Вторая глава** носит практический характер и представляет собой исследование особенностей функционирования ономастической лексики в художественных текстах М. Цветаевой. В этой главе рассматриваются имена собственные, используемые М. Цветаевой в художественных текстах, и классифицируются в соответствии с выполняемыми функциями. В Заключении сделаны основные выводы.

Изучение поэтической ономастики (одна из важнейших проблем науки об именах) занимает особое место в лингвостилистическом анализе художественного текста. Однако не всегда поэтической ономастике отводилась столь значительная роль. О.И. Фонякова отмечает: «Исследование имён собственных в художественной речи носило долгое время спорадический характер» [Фонякова 1990:34]. В работах избирательно рассматривались отдельные, наиболее яркие примеры «говорящих имён» с характеризующей носителя семантикой основы или описывалась антропонимия отдельных авторов по произведениям или периодам творчества.

Функционирование онимов в художественной литературе открывает большой простор для исследований и наблюдений. В последние годы появился ряд работ с попыткой описать всю совокупность имён собственных у одного писателя. Анализ семантики и экспрессивных возможностей имени собственного посвящены работы таких исследователей, как М.В. Горбаневский, Г.Ф. Ковалёв, В.К. Харченко и др.

ГЛАВА 1

НЕОБХОДИМЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

1.1. Теоретические основы ономастики

Теория имени собственного называется **ономастикой**. В основе этого термина лежит греческое слово *onomastike* – «искусство давать имена». Указанное понятие принято употреблять в двух значениях:

- 1) совокупность имен собственных;
- 2) наука об именах собственных.

В настоящее время, когда ономастика выделилась в самостоятельную дисциплину, возросла необходимость ее изучения.

В своей работе «Общая теория имени собственного» А.В. Суперанская убедительно обосновывает специфические черты собственных имен в их сравнении с нарицательными. Главным отличием, считает ученый, является «более тесная связь имени собственного с объектом и непосредственность этой связи, в то время как связь нарицательного с предметом осуществляется через понятие» [Суперанская 2009: 90].

Эти положения подтверждаются В.Д. Бондалетовым. Исследователь обоснованно доказывает: «на первом плане – выделение предмета, на втором – соотношенность предмета с ему подобными», в отличие от нарицательного, для которого важнее выражение понятия, а затем уже – «обозначение предмета» [Бондалетов 1983: 27].

Ономастика имеет ряд разделов, которые традиционно выделяются в соответствии с категориями собственных имен, в соответствии с характером называемых объектов. Собственные имена географических объектов (*Болгария, Крым, Черное море, Запорожье, Борисоглебск, Московский проспект, река Ворона, Чудское озеро, Куликово поле*) изучает **топонимика**; собственные имена людей (*Илья Николаевич Воронов, Иван Грозный, Игорь Кио, Лысый*) исследует **антропонимика**; наименования зон космического пространства – созвездий, галактик, как принятые в науке, так и народные (*Млечный путь,*

Чепыга, Плеяды, Стожары) анализирует **космонимику**; названия отдельных небесных тел (Луна, Юпитер, Зарянка, комета Галлея) изучает **астронимику**; собственными именами животных, их кличками (*Тузик, Барсик, Зорька, Звездочка, Редрик*) занимается **зоонимику**; собственные имена предметов материальной культуры (*алмаз «Орлов», меч Дюранададь, Царь-пушка*) стали объектом изучения **хремотоники**; есть и другие разделы. Помимо этого, в ономастике существуют специальные направления по изучению имен собственных в художественной литературе и устном народном поэтическом творчестве, в диалектах и говорах, в официально-деловом стиле речи.

Аспекты ономастических исследований многообразны. Принято выделять следующие направления: **описательная ономастика**, составляющая объективный фундамент ономастических исследований, дающая общелингвистический анализ и лингвистическую интерпретацию собранного материала; **теоретическая ономастика**, изучающая общие закономерности развития и функционирования ономастических систем; **прикладная ономастика**, связанная с практикой присвоения имен, с функционированием имен в живой речи и проблемами наименований и переименований, дающая практические рекомендации картографам, биографам, библиографам, юристам; **ономастика художественных произведений**, составляющая раздел поэтики; историческая ономастика, изучающая историю появления имен, и их отражение в именах реалий разных эпох; **этническая ономастика**, изучающая возникновение названий этносов и их частей в связи с историей этносов, соотношение этнонимов с именами других типов, эволюцию этнонимов, приводящую к созданию топонимов, антропонимов, зоонимов, связь этнонимов с названиями языков (лингвонимами).

Литературная ономастика, изучающая функционирование онимов в текстах художественной литературы, сформировалась в 50-60-е гг. XX в. Ю.А. Карпенко определяет литературную ономастика как субъективное отражение объективного, как осуществляемую писателем «игру обще языковыми ономастическими нормами» [Карпенко, 1986: 36].

Таким образом, ономастика занимается исследованием собственных наименований различных типов. Кроме того, наука о собственных именах изучает историю возникновения номинации, традиции, связанные с выбором имен, функционирование онимов в речи, а также вопрос о классификации имен собственных.

Современная ономастика – это комплексная научная лингвистическая дисциплина, обладающая своим кругом проблем и методов. Ономастические исследования помогают изучению путей миграции отдельных этносов, выявлению мест их прежнего обитания, установлению более древнего состояния отдельных языков, определению языковых и культурных контактов разных этносов.

1.2 Собственное имя как вид поэтической номинации

Достаточно активное использование ономастической лексики в художественных текстах позволяет считать, что имя собственное является своеобразной лексико-грамматической и стилистической категорией, существенный компонент образной ткани художественного произведения. При определении «степени стилистической эффективности» (термин В. Н. Михайлова) важно, во-первых, установить и описать функции, которые выполняет имя в художественном произведении, во-вторых, выявить факторы, создающие экспрессивные возможности в ономастической единице. Одним из главных условий выразительности имени можно назвать наличие богатого ассоциативного фона, причем возможны реакции адресата различного типа.

Вопрос об ассоциативном поле имени достаточно подробно описан в исследовании Т. Е. Никольской. Автор выделяет лингвистические (фонетическое сходство, этимология имени, словопроизводственные отношения имени и т. п.) и внелингвистические (исторические, политические, литературные, сценические знания говорящих, характеристика субъективных качеств, внешность и визуально-динамический образ, социально-временная оценка) ассоциаций.

Исследователь выделяет лингвистические и нелингвистические реакции на имена. В ряду первых называет фонетическое сходство (**Евгений** – гений), реакции, основанные на рифме (**Толик** – кролик), на этимологии имени (**Виктория** – победа), на словопроизводственных отношениях имени (**Георгий** – Жора); в числе внелингвистических исследователь выделяет реакции, основанные на фоновых (исторические, политические, литературные, сценические и др.) знаниях говорящих (**Владимир** – князь), характеристике субъективных качеств (**Екатерина** – грозная), внешности (**Елизавета** – толстая), реакции, в основе которых лежит визуально-динамический образ, социально-временная оценка (**Федор** – деревенское).

По мнению В. М. Михайлова, «художник-реалист при выборе имени опирается на реальную речевую практику, на антропонимическую систему его времени», при этом важно соблюдать принципы – «строгий отбор и типизация фактов, точность, экономность выражения, соответствие правде жизни, учет экспрессивности того или иного имени, литературной традиции» [Михайлов 1966:41].

М. В. Горбаневский выделяет следующие функции имен собственных:

- 1) номинативно-выделительную,
- 2) художественно-образную;
- 3) идеологическую;
- 4) эстетическую.

О. Г. Ревзина указывает на первичную и вторичную функции употребления собственных имен.

Первичная функция имеет место, когда собственное имя выступает в соотнесенности с тем объектом, «заместительным» знаком которого в языке оно является.

Вторичная функция наблюдается, если собственное имя является средством описания иного объекта или понятия

Антропонимика. «Абсолютная необходимость личных имен для общества и сложность в их изучении потребовали специальную науку –

антропонимику» [Никонов 1988:52]. Термин, образованный из древнегреческих слов – **антропос** (человек) и **онома** (имя), впервые предложил португальский лингвист. Ж. Лейте Васконильва в 1887 году. **Антропоним** – личное имя, **антропонимия** – совокупность личных имен, официальных и неофициальных, прозвищ, отчеств, фамилий, псевдонимов. Следует обратить внимание на бинарность (парность) нимикаантропонимика – антропонимия, топонимика – топонимия. Первые члены пары означают раздел науки, а вторые – совокупность (список, перечень) самих объектов изучения.

Как наука антропонимика сложилась во второй половине нашего столетия. В 1967 году В. А. Никонов писал: «В нашей стране антропонимики как науки еще нет. Есть россыпь фрагментарных работ, немногих разрозненных исследований» [Никонов 1967:27]. В систематизации и формировании антропонимического материала значительную роль сыграли различные памятники письменности – святцы, ономастиконы, документы исторического и юридического содержания; «Лексикон славенороссийский и имен толкование» Памвы Бецрынды, вышедший в 1627 году; исследования Е. Болховитинова, А. Балова, А. В. Суперанской, Н. М. Тупикова, Н. Д. Чечулина, В. К. Чичагова, Н. А. Петровского и мн. др. По антропонимическому материалу создано немало словарей: «**Словарь русских личных имен**» (сост. Н. А. Петровский, 1966 и 1980 годы), «**Словарь русских фамилий**» (сост. В. А. Никонов, 1993), «**Русские имена в XX веке**» (сост. М. В. Федорова, 1995), «**Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии**» (сост. И. М. Ганжина, 2000) и др. В последние годы антропонимика получила особое развитие как в нашей стране, так и за рубежом.

Объект исследования антропонимики – собственные именованья людей. Антропонимика разграничивает народные и канонические личные имена, а также различные формы одного и того же имени (официальные и неофициальные). Личное имя отличается от других онимов характером индивидуализации объекта: каждый объект номинации (человек) имеет имя. Реестр имен ограничен. Этнос в определенную эпоху имеет свой

антропонимикон – реестр личных имен. Личные имена повторяются, что заставляет делать дополнительные наименования.

Антропонимика изучает информацию, которую может нести имя, - характеристику человеческих качеств, связь лица с отцом, родом, семьей, сведения о национальности, роде занятий, социальной принадлежности, происхождении, функции антропонимов в речи, а также закономерности возникновения и развития антропонимов, систему, структуру, основные модели антропонимов и др.

Антропонимы являются наиболее распространенными среди других типов ономастической лексики в художественном тексте, поэтому поэтическая антропонимия представляет собой достаточно широкое и увлекательное поле исследования. Имя литературного персонажа – это одно из средств, создающих художественный образ: оно может характеризовать социальную принадлежность, национальный колорит, раскрывать черты характера героя, указывать на его профессиональную сферу деятельности. Дать имя литературному герою – это особый дар автора, кропотливая и трудоемкая работа.

В художественной литературе стало закономерностью стремление автора наделить имя и фамилию (номинацию) литературного героя каким-либо значением, то есть имя в художественном тексте может «говорить» различными лингвистическими и внелингвистическими ассоциациями, причем в подобных случаях, видимо, следует указать на «сознательный авторский расчет» на ту или иную реакцию читателя. Богатый ассоциативный фон возникает, таким образом, за счет этимологически прозрачной основы, то есть оживления внутренней формы слова, что, безусловно, освежает восприятие, делает антропоним семантически значимым, емким, выразительным и стилистически эффективным. «Оживление» этимологического значения основы, по мнению Л. Г. Хижняк, «влечет за собой двойную экспрессию: экспрессию, заложенную в самой внутренней форме как образе образа, и экспрессию «преодоления назывной, лексически «опустошенной» природы собственного имени» [Хижняк

1974:76]. Имя в художественном тексте оживает. Вслед за А. А. Потебней, а также А. В. Чичериным под внутренней формой будем понимать ближайшее этимологическое значение: «этимологическое значение...тоже есть форма, но только внутренняя. Она показывает, как представляется человеку его собственная мысль... Внутренняя форма слова включает также «признак, положенный в основу номинации» [ЛС 1990:85], «морфонологический состав основы, указывающий на мотивированную связь ее звучания с данным значением» [Розенталь, Теленкова 2007:58]. Таким образом, внутренняя форма «дает направление мысли», раскрывает широкие возможности использования онаима, определяет способ развития значения.

«Оживление» внутренней формы ИС указывает на признаки, выделяемые в ассоциативном поле онаима; эти признаки «отражают устойчивые разносторонние связи имен с единицами ономастического пространства и нарицательной лексикой, а также называют «место», которое занимает лексическая единица, и объект, обозначаемые ею, в сознании говорящего». В основе формирования ассоциативных связей лежат системные отношения между именем – обозначаемым объектом – словом-этимонем (словосочетанием). Реализация этих отношений в художественном тексте может быть различной, то есть можно говорить о нескольких способах мотивации включения имени в литературное произведение. С точки зрения Л. Г. Хижняка соотношение имени с контекстом художественного целого, с одной стороны, выявляет смысловые связи имени в структуре целого и подтекстовую функцию имени, с другой стороны, описывает лингвистические условия выявления внутренней формы ИС, то соотношение структуры имени и структуры контекста, «которое рождает взаимодействие этимологического и художественного смысла имени...». Исследование фактического материала позволяет выделить ряд контекстов, в которых автор раскрывает внутреннюю форму имени, вводя слово-этимон.

Так, ассоциативные связи имени в поэтических строках М. Цветаевой основаны на знании этимологии онаима (**Марина** – лат. морская).

*...Кто создан из камня, кто создан из глины, -
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – **Марина**,
Я брeнная пена **морская**. (М. Цветаева. «Кто создан...»).*

Лингвистические ассоциативные реакции несколько раз обыгрываются поэтом с использованием слова-этимона. Отметим, что в контекстах подобного типа автору удастся сохранить доантропонимическое значение имени (этимологическое значение), наряду с которым В. А. Никонов выделяет собственно антропонимическое (паспортное), соотносимое с конкретным лицом, и отантропонимическое, рождаемое какой-либо личностью носителя имени [Никонов 1974].

Семантика имени содержит лингвистические ассоциативные реакции, основанные на знании этимологии имени.

Автор использует ассоциативные лингвистические реакции, в основе которых лежат фонетическое сходство с междометием и этимология имени (**Анна** – «милость, благодать»), внелингвистические реакции – характеристики субъективных качеств референта.

Таким образом, направление ассоциирования, цепь ассоциативных связей, характер реакций читателя во многом определяется условиями контекста. Автор часто сам указывает на особенность ассоциативного компонента, включая в ткань произведения мотивировку имени, используя словообразовательные параллели и привлекая слово-этимон.

Топонимика. Не менее значительную группу ИС составляют топонимы, то есть наименования географических объектов. Трудно представить, какое количество имен нас окружает, каждый материк, город, село, улица и т. п. имеет свое название. Именами наделяют даже отдельные малые объекты, строения.

Топонимы составляют значительную часть ономастической лексики. Их число очень велико на любой освоенной человеком территории. Топонимия Земли насчитывает миллионы единиц. Наука о географических наименованиях

развивается в тесном взаимодействии с историей, географией, этнографией, картографией, поэтому исследование топонимики способствует восстановлению фактов истории народа, границ расселения, области раннего распространения языков, географии культурного и экономического центров.

Топонимика (от греч. – **topos** – место и **onoma** – имя, название) – раздел ономастики, исследующий географические названия, их происхождение и значение, функционирование в речи, структуру и сферу распространения, развитие и изменение во времени и т. д. Совокупность географических наименований составляет топонимию.

Современная лингвистическая литература отмечает некоторые тенденции в развитии городской топонимики. Как отмечают М. В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, «наше время также характеризуется «сменой речевых одежд» [Китайгородская, Розанова 2000:346]. Процесс многочисленных переименований на городском пространстве проявляются в возвращении прежних наименований (**Воздвиженка, Тверская**). Отметим, что «старые названия, вытесненные в советское время из сферы официальных городских номинаций, продолжали жить в устном обиходе, особенно в речи старшего поколения. Это порождало своеобразные двойные номинации типа: «Это на Кировской, бывшей Мясницкой» [Китайгородская, Розанова 2000:346]. Наблюдаются также «зеркальные модели-перевертыши» (**Мясницкая, бывшая Кирова**). В некоторых случаях старый и новый топонимы сосуществуют. Ряд наименований ассоциируется с различными историческими, литературными персонажами и событиями (**кафе «Маргарита» на Патриарших прудах**). Такая волна переименований отмечает также в петровскую эпоху [Успенский 1994]. Подобные процессы вызывают многообразные литературные и исторические ассоциации, а также являются доказательством того, что социальные изменения находят свое отражение в языке, в том числе и ономастике, кроме того, языковые процессы такого рода характерны, как правило, для периодов коренных изменений в обществе.

Описанию топонимической системы в текстах К. Г. Паустовского, М. Цветаевой посвящены статьи М. В. Горбаневского [Горбаневский 1988], проблемы поэтической топонимики находят отражение также в работах В. К. Харченко [Харченко 1998], проблемам литературной ономастики посвящен целый ряд работ Г.Ф. Ковалева [Ковалев 2004] и некоторых других исследователей

Как известно, топонимическая лексика является более «содержательной» по своей семантике, так как обладает богатыми традициями: издавна существовала тенденция привязать наименование места к какому-нибудь лицу или событию; в семантике она, таким образом, сконцентрированы лингвистические (речевые) и экстралингвистические (смысловые компоненты, содержащий важную информацию) сведения. Смысловой компонент оказывается существенным, поскольку отчасти проливает свет на историю развития областей, на их культурно-исторические и естественно-географические особенности и т. п. Сказанное позволяет сделать вывод о высокой степени стилистической эффективности топонимов, поскольку географическое наименование обладает богатым ассоциативным фоном.

В настоящее время существенным оказывается то, что та или иная топонимическая ассоциируется в нашем сознании с определенной исторической эпохой, лицом, сыгравшим свою роль в истории. Следовательно, топонимическая лексика в художественной речи, помимо своего основного номинативного значения, обогащена добавочными смыслами обусловленными, с одной стороны, ассоциативным фоном, с другой, авторским эмоционально-оценочным восприятием.

1.3. Специфика поэзии М. Цветаевой

Марина Цветаева (1892-1941) – незаурядная личность. Эта незаурядность отразилась и в её творчестве, которое недостаточно широко изучено из-за сложившихся жизненных обстоятельств. Сложная трагическая судьба Марины Цветаевой, сложный внутренний мир нашли своё отражение в сугубо

субъективных произведениях. В её творчестве отчетливо проявляется способ познания мира через языковые связи, модели и отношения, её философско-мировоззренческий максимализм находит адекватное выражение в максимуме языковом. Она, по существу, высказала ту же мысль, что и А.А. Потебня (известна его гипотеза о сходстве происхождения слова с созданием поэтического произведения): “Слово – творчество, как всякое, только хождение по следу слуха народного и природного. Хождение по слуху”. И действительно, анализ поэтических произведений М. Цветаевой показывает, что она не только интуитивно лингвист, но и интуитивно историк языка. Философская (диалектическая) позиция Цветаевой, поэта “с этой безмерностью в мире мер”, отразилась в определенных доминирующих чертах её поэтики. Поэтику Цветаевой можно характеризовать как поэтику предельности (предел предстает решающим испытанием и условием перехода в иное состояние), как поэтику изменчивости и превращений (изменение приближают к предмету), поэтику контраста (противоречие является причиной изменений).

Её поэзия, нередко трудная для восприятия вследствие предельной сжатости речи, строится на контрастах, на выделении отдельного слова, словообразовании от одного или фонетически близких корней. Признак, избранный для названия того или иного предмета или явления действительности, подчеркивается, вскрывается контекстом, и тем самым автор представляет своему читателю возможность отчетливо, как бы заново восстановиться, ощутить внутреннюю форму слова. Марина Цветаева с её обостренным чувством структуры слова – семантической, морфемной, звуковой – часто обращается к этому приему.

Чувство, вызываемое у Цветаевой словом, сходно с тем восхищением, которое рождает прекрасная музыка, архитектура. Слово в его сущности воспринимается поэтом, как красота, как эстетическая ценность. На всем своем творческом пути Цветаева остается поэтом, который, по словам современников, повторял, что любит “вгрызаться” в слово, “вылущить” его ядро, “добираться” до корня [Черкасова 1982: 52-54].

Звуковая и ритмическая организация её стихов многогранна и виртуозна. Цветаевские ритмы – это не просто форма, это всегда состояние, воплотившееся в звучание. Звуковой строй стиха для Цветаевой не был самоцелью. Это закономерное следствие, отражение душевного настроения, внутреннего горения, самой сути цветаевского стиха – эмоциональной и интеллектуальной.

Цветаевская ритмика бесконечно разнообразна: здесь и легкость разговорного слога, и песенная напевность, и плясовые, молниеносные темпы, и резкие перепады и сдвиги, внезапные ускорения и паузы и т.д. Но неизменно одно – активность ритма и его завершенность в каждом отдельном произведении [Валгина 1978: 58-66].

Музыкальность, передававшаяся от её матери, Марии Александровны Мейн, самым прямым образом сказалась в стихе, но не в том смысле, что он певучен и мелодичен, а в самих приемах стихового “исполнительства”. Что же касается певучести и мелодичности, обычно связываемых, в расхожем понимании, с музыкальностью, то их, за редкими исключениями, почти нет у Цветаевой. Она, наоборот, резка, порывиста, дисгармонична. “Строку она, повинувшись интонации и музыкальным синкопам, безжалостно рвет на отдельные слова и даже слоги, но и слоги своевольно переносит из одного стихового ряда в другой, даже не переносит, а словно отбрасывает, подобно музыканту, изнемогающему в буре звуков и едва справляющемуся с этой стихией” [А. Павловский, 1991: 38]. Д. Бродский в одной из своих статей говорил даже о “фортепианном” характере цветаевских произведений. Сама она предпочитала говорить о виолончели, так как ценила в этом инструменте сочетание музыки с тембром и теплотой человеческого голоса. Музыка её стиха “...требует от слушателя – читателя почти физического напряжения, внимательного и сосредоточенного вслушивания”, эта музыка, чтобы зазвучать так, как задумано автором, должна целиком полагаться на читателя-исполнителя и – нередко – читателя-виртуоза” [Павловский 1991: 41].

ГЛАВА 2.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

2.1 Краткая характеристика ономастикона М.Цветаевой

Словарь собственных имен поэтического идиолекта М. Цветаевой насчитывает около 800 единиц. Представлен не только широкий по составу, но и весьма широкий по объему круг имен собственных. Наиболее частотными же являются антропонимы и топонимы, а также разнообразные мифонимы.

Среди антропонимов выделяются следующие тематические поля.

1. Имена реальных лиц – членов семьи друзей, участников эпизодических встреч (**Ася, Володя, Марина и др.**).
2. Имена русских и европейских деятелей культуры (поэты – **Державин, Пушкин, Блок, Байрон, Гейне, Ростан, Шиллер, Шекспир и др;** философы – **Кант, Платон, Руссо, Спиноза;** композиторы – **Бах, Бетховен, Стравинский, Шопен, Штраус, Шуман и др.**).
3. Имена исторических лиц (**Петр Первый, Николай Первый, Самозванец, Степан Разин, Распутин, Карл Великий, Цезарь, Бонапарт, Дантес и др.**).
4. Имена литературных и маскарадных героев (**Давид Копперфилд, Том Сойер, Ромео, Арлекин, Пьеро**).
5. Собственные имена как типичное национально имя (**Ганс и Грета** в «Крысолове»; «Сколько б вас, **Егорок**, не рожала...»).

Среди топонимической лексики выделяются следующие группы.

1. Названия материков (**Европа, Америка и др.**).
2. Многочисленные названия стран и городов (**Англия, Франция, Россия, Версаль, Москва, Руан, Севилья**).
3. Урбанонимы (**Арбат, Ваганьково, Кремль, Новодевичий монастырь, Трехпрудный переулок, Елисейские поля**).
4. Гидронимы (**Атлантика, Волга, Днепр, Каспий, Ладога, Нева, Рейн др.**).

Широко представлены различные группы мифонимов.

1. Мифоантропонимы (**Ариадна, Федра, Ипполит, Орфей и др.**).
2. Мифотопонимы (**Аид, Летейские воды и др.**).
3. Теонимы (**Зевес, Иштар и др.**).

Из других типов ономастической лексики наблюдаем функционирование хрононимов (**Преображенье, Пасха, Покров и др.**), наименования газет, журналов, произведений литературы и искусства и другие типы имен собственных («**Европы вестник**», «**Дни**» и др.).

Целый ряд имен присутствует только в посвящениях (**Вере Аренской, Борису Пастернаку и др.**) или в названиях поэтических текстов («**Памяти Нины Джавахы**», «**Памяти Беранже**», «**В.Я. Брюсову**» и др.)

Собственные имена входят также в состав идиоматических выражений (**курский соловей, парижские химеры, близнецы Сиамы и др.**).

В словаре собственных имен М. Цветаевой противопоставлены друг другу значительная часть с низкой частотностью (1-3 случаи употребления) и группа имен, которая формирует своего рода лейтмотивы (**Орфей – Эвридика, Ариадна – Тезей, Ипполит – Федра и др.**). В целом в лирике М. Цветаевой наблюдаем явное лидирование имен – **Марина, Кармен, Георгий, Пушкин, Москва, Париж, Кремль, Русь.**

Мир имен и названий в поэзии М. Цветаевой представлен более чем восьмью сотнями слов (по подсчетам, произведенным совместно с Г. В. Худилайненем, на основе текстов из наиболее известных поэтических сборников М. Цветаевой, она использовала в своих стихотворениях и поэмах более 800 имен собственных разных типов, причем около 370 из них употребляются повторно).

*Руки даны мне – протягивать каждому обе, -
Не удержат ни одной, губы – давать имена....*

(М. Цветаева)

В поэзии М. Цветаевой представлен не только многочисленный по составу, но и достаточно широкий по набору типов круг имен собственных

(наиболее же частотными являются антропонимы и топонимы, а также разнообразные мифонимы).

2.2 Антропонимы

Из личных имен наиболее часто встречается в стихотворениях М. Цветаевой имя Марина, в основном в таких произведениях, которые можно было бы назвать «стихотворным автопортретом»:

*Кто создан из камня, кто создан из глины, -
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело - измена, мне имя – **Марина**,
Я – брeнная пена морская.*

При этом Марина Цветаева не единожды использует или обыгрывает в своих стихах этимологическое значение имени Марина (по «Справочнику личных имен народов РСФСР», имя Марина происходит из латинского *marina* – «морская», эпитет Афродиты) [Цит. по Рус. речь 1977:26].

Можно в этой связи вспомнить еще два примера: первый – стихотворение «Душа имя» 1911 – 1912 гг., здесь мы опять встречаемся с обращением к загадочной и необъятной морской стихии, использованием этого образа и своего имени как некой предначертанности особой судьбы, которую ощущала или искала молодая двадцатилетняя поэтесса:

*Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
**Но имя бог мне иное дал:
Морское оно, морское!***

Второй пример – «Две песни», написаны 13 и 14 июня 1920 года. Обычно более широко известно второе стихотворение с эмоциональным, потрясающим душу рефреном «Мой милый, что тебе я сделала». Попытка связать свое имя с судьбой, попытка создать на основе прямого смысла

имени Марина целую систему образов делаете Цветаевой в первом стихотворении из «Двух песен»:

*Ужели в раболенном гневе
За милым поползу ползком –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!
Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко – весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты все ж беседуешь со мной.*

.

*Когда-нибудь, морские струи
Выглядывая с корабля,
Ты скажешь: «Я любил – морскую!
Морская канула – в моря!»*

Имя Марина мы встречаем в цикле, посвященном Марине Мнишек. Делясь сама с собой мыслями о судьбе Марины Мнишек, Цветаева как-то записала в одной из своих тетрадей, что если бы ей выпало писать историю Мнишек, то поэтесса написала бы себя: себя – любящую и себя – мать, а также себя – поэта. Такое необычное противопоставление стало одним из логических оснований цикла «Марина». Здесь мы находим Марину в ореоле романтизированного вымысла, любящую и самоотверженную героиню:

*Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть – Мариной!...*

Здесь мы находим Марину и в реальном, историческом восприятии этой расчетливой авантюристки:

*Своекорыстная кровь!
Проклята, треклята будь,
Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной!*

Последний пример интересен тем, что Цветаева создает здесь образный и яркий поэтический окказионализм: по примеру *Дмитрий – Лжедмитрий* из-под пера поэта возникает новое имя собственное – *Марина – Лжемарина*.

Личных имен в стихах М. Цветаевой мы встречаем немало – в их полных, кратких, уменьшительных формах: *Петр, Анна, Татьяна, Ваня, Сережа, Егорка, Гришка*. Нередки в использовании автором сочетания имени и фамилии, имени и отчества: *Анна Ахматова, Бертольд Шварц, Себастиан Бах, Мартин Задека*.

*Предстало нам – всей площади широкой! –
Святое сердце Александра Блока.*

В поэме «Сибирь» М. Цветаева, упоминая Ивана Грозного, создает необычное сочетание имени и отчества, которое складывается из имени *Иванище* с увеличительно-устрашающим оттенком значения и обиходно-речевой формы отчества *Васильич*:

*...Гори, Гори, Сибирь –
Нова! Слепи Москву –
Стару...
Иванищу Васильичу
Край, Строгановыми
Как на ладони поданный.* (М. Цветаева Сибирь).

В стихотворении, посвященном В. Маяковскому, М. Цветаева обыгрывает доантропонимическое значение имени *Владимир* (Владимир – др.- рус. имя от сложения основ слов володеть и мир):

*...Чтобы край земной не вымер
Без отчаянных людей,
Будь, младенец, Володимер,
Цельм миром володей*

(М. Цветаева. Маяковскому).

Видимо, в эту же группу контекстов следует отнести строки, включающие собственные рассуждения М. Цветаевой о внутренней форме

онима Ахматова, в сочетании с именем которой поэтесса услышала огромный вздох (авторская этимология).

*И мы шарахаемся, и глухое ох! –
Стотысячное – тебе присягает, - Анна
Ахматова! Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна*
(М. Цветаева. Ахматовой).

Целый комплекс звуковых ассоциаций вызвала у молодой поэтессы в 1916 году, когда создавался цикл «Стихи к Блоку», звуковая ткань фамилии Блок. Заметим, что Цветаева использует здесь слово имя в значении «фамилия», а упоминание о пяти буквах этого имени связано, как известно, с тем, что до реформы русской орфографии фамилия Александра Блока действительно состояла из пяти букв (Блокъ); это пример поэтического слуха Цветаевой ныне стал почти хрестоматийным:

*Имя твое – птица в руке,
Имя твое - льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое – пять букв... (М. Цветаева. Стихи к Блоку).*

В сочетании имени и фамилии Анны Ахматовой М. Цветаева услышала «Огромный вздох», эту емкую метафору мы находим во второй строфе Первого стихотворения из цикла «Ахматовой», написанного 19 июня 1916 года:

*И мы шарахаемся, и глухое: ох! –
Стотысячное – тебе присягает, - Анна
Ахматова! – Это имя – огромный вздох.
И вглубь он падает, которая безымянна.*

(М. Цветаева. Ахматовой).

В небольшой заметке «Работа Марины Цветаевой с ономастическим материалом» Л. М. Богославская, анализируя эту строфу, как нам кажется, делает достаточно обоснованное наблюдение: «Здесь наблюдается как бы «высветление» фонетического состава антропонима *Ахматова*, сознательно

отграниченного автором от остального текста двумя паузами. Такое положение имени подчеркивает его начальное *Ах* - как междометие, как звуковое выражение «вздоха», передающего искреннее чувство любви и преклонения» [Богославская 1984:138].

Любопытно, что в четвертом стихотворении цикла «Ахматовой» М. Цветаева противопоставляет имена *Анны Ахматовой* и ее сына *Льва*. Это стихотворение написано также в июне 1916 года:

*Имя ребенка – Лев,
Матери – Анна.
В имени его – гнев,
В материнском – тишь.*

Антропонимы в поэзии Цветаевой выполняют разнообразные функции – номинативно-выделительную, художественно-образную, идеологическую, эстетическую. О. Г. Ревзина указывает на первичную и вторичную функции употребления собственных имен.

Употребление имен собственных в первичной функции демонстрируют следующие контексты:

а) в позиции субъекта действия, описания:

*И стоит Степан – ровно грозный дуб,
Побелел Степан – аж до самых губ.*

(М. Цветаева. Стенька Разин.);

б) в позиции объекта действия, восприятия, переживания:

*Как я люблю
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро...*

(М. Цветаева. Встреча с Пушкиным);

О. Г. Ревзина отмечает, что имя собственное в первичной функции может развивать два типа дополнительных значений.

1. Ассоциативное:

И зачем мне знать, что пахнуло – Нилом

От моих волос?

(М. Цветаева. «После стольких роз..»).

2. Символическое:

И все уже отдав, сей черный солб

*Я не отдам за красный нимб **Руана**.*

(М. Цветаева. Пригвождена).

Особый интерес представляет употребление собственного имени во вторичной, характеризующей функции. Онимы могут называть роль, характеризовать поведение лица в конкретной ситуации:

*Брови сдвинув – **Наполеон!** –*

*Ты созерцаешь – **Кремль***

(М. Цветаева. «Четвертый год...»).

Собственные имена в характеризующей функции широко используются в сфере сопоставления, сравнения.

*Цирк, раскаленный как **Сахара**.*

(М. Цветаева).

Антропонимы могут быть как прямо- так и косвенно-характеризующими. Однако все же, в первую очередь, все они, как и строфика, характер выражения идей и чувств, словарь поэта, по меткому замечанию Вс. Рождественского, «органически сплетены с дыханием всего ее поэтического существа» [Рождественский 1980:21]. Что же касается относительного индекса частотности, то, по нашим подсчетам, чаще всего в стихотворениях и поэмах М. Цветаевой фигурируют такие антропонимы, как ***Марина, Кармен, Георгий, Пушкин и др.***

В художественной речи нередко наблюдаем явление, когда для обозначения одного объекта привлекаются к повествованию различные номинации – моноксемные, бинарные образования и композиты (многокомпонентные структуры). В лингвистической литературе это явление называют по-разному: полионимия, или многоименность (Н. В. Подольская),

полинимия, или имена-эквиваленты (Р. У. Таич), перифрастические замены личных имен (С. Я. Макарова).

Источниками порождения антропонимических номинаций, как правило, являются ассоциации внелингвистического характера, при этом автор акцентируется внимание реципиента на том или ином ассоциативном компоненте.

Система описательных номинаций, содержащих указание на роль именуемого лица в истории, в развитии культуры и жизни нации в целом. Такой полинимический ряд включает различные по структуре имена-эквиваленты.

А. С. Пушкин – *умнейший муж России* (М. Цветаева)

Авторы привлекают к повествованию номинации, содержащие в своей структуре суффиксы субъективной оценки, что порождает уменьшительно-ласкательные, аугментативные, эллиптированные имена-эквиваленты. Подобные номинации являются эмоционально окрашенными, поскольку содержат авторскую оценку.

Иван Грозный *Иванище Васильич* (М. Цветаева).

Г. Распутин *Гришка* (М. Цветаева),
Распутин Гриш (М. Цветаева).

В. В. Маяковский *Володя* (М. Цветаева),
Володимер (М. Цветаева).

Нередко описательные номинации содержат указание на родственные связи и отношения. Полинимические ряды такого характера, как правило, немногочисленны.

А. С. Пушкин *Ганнибал-арап* (М. Цветаева)

Марина Мнишек *Мнишка надменного дочь* (М. Цветаева)

Весьма часто художественные строки содержат сопоставления с историческими личностями, а также героями мифов, древнерусских сказаний. Система таких имен-эквивалентов возникает на внелингвистических

ассоциациях с фоновыми (историческими, литературными, политическими) знаниями респондента.

Ермак *Сибирский Потемкин (М. Цветаева)*

Краткая характеристика описательных номинаций позволяет считать, что имена-эквиваленты могут «говорить» различными ассоциациями, как правило, внелингвистического характера. В подобных случаях, видимо, следует видеть «сознательный авторский расчет» на тот или иной ассоциативный компонент.

Итак, имя собственное в первичной функции развивает два типа дополнительных значений: ассоциативное и символическое. Эти значения, что подтверждают примеры, собственное имя может приобретать в тех же позициях, в которых оно выступает как чистое средство идентификации (кроме позиции обращения). И в том и в другом случае преодолевается семантическая "пустота" собственного имени: из знака-метки оно превращается в семантически насыщенный знак, значение которого, особенно ассоциативное, никогда не определено полностью, оно обращено к читателю, к его собственным возможностям толкования. Такой знак действительно удовлетворяет требованиям, предъявляемым к поэтической номинации-, это и "поэтический инвариант", и вместе с тем он неоднозначен.

Собственные имена во вторичной функции опираются в своей способности к означиванию на представление о референте собственного имени как совокупности свойств, одно или несколько из которых служат основанием для номинации. По сравнению с другими номинациями они обладают неоценимым свойством наглядности, зрительного представления обозначаемого, что позволяет им доводить до конкретного воплощения целые отвлеченные понятия:

Ты Анна над спящим Сережей — разлука!;

Труд — Хам, но не Каин.

Если для собственных имен в первичной функции нет ограничений на одновременное вхождение в состав одного предложения, то для имен в характеризующей функции действует нестрогий, но четко просматриваемый

запрет: в пределах высказывания для такого имени выделяется обычно одна позиция. Другое положение имеет место, если называется вся ситуация

Лермонтовым по Кавказу

Прокрасться, не встревожив скал ("Прокрасться..."),

либо когда характеризующие собственные имена выступают в однородной позиции -

Днепром разламывая лед,

Гробовым не смущаясь тесом.

Русь — Пасхою к тебе плывет,

Разливом тысячеголосым ("Стихи к Блоку" 1921)).

Собственное имя в характеризующей функции составляет своеобразный семантический центр, и единичное вхождение такого имени служит одним из условий для его восприятия и понимания. Даже введение однофункционального с собственным именем квалификатора иного типа может осложнить восприятие смысла. Если в однородной характеризующей позиции оказываются два собственных имени, они требуют определенного временного и семантического согласования, ср. отрицательный эффект от нарушения этого правила:

Я слушаю вас с нежностью и грустью,

Как древняя Сивилла и Жорж Занд.

Названия лиц во вторичной функции могут быть отнесены к лицу (*Неким Шуманом пронося под полой весну...*), в редких случаях к предмету или естественной реалии (*Вяз — яростный Авессалом*). Такая возможность представлена в большей степени в составе метафорической номинации (*Соломоновы пеплы Над великой тщетою — "Седые волосы"*).

Собственные имена во вторичной функции не сочетаются с первичным обозначением определяемого лица через собственное имя. Характерно, что в обращениях они вступают либо как первое обозначение адресата (*Консуэло! Утешенье!*), либо формируют автономное обращение. Характеризация с помощью собственного имени более всего подходит к лицу, обозначаемому

через "я", "ты". Эти номинации конкретны и вместе с тем предельно обобщены, в них нет того представления об окончательной реальной воплощенности, которая скрывается, например, за разговорными собственными именами. Поэтому использование собственных имен во вторичной функции в ранних стихотворных сборниках М. Цветаевой, где основной способ называния — это собственные разговорные имена в функции идентификации, крайне ограничено. Собственные имена возникают как средство метаописания со второй половины 10-х годов и в 20-е годы, когда формируется тип лирического субъекта и возникает его цельный образ.

2.3 Топонимы как культурные маркеры стихотворных текстов

Состав топонимов в поэтическом идиолекте М. Цветаевой включает следующие группы имен собственных.

- 1) Названия материков (*Европа, Африка*), местностей (*Альпы, Аравия, Каррара, Крым, Кубань, Сибирь, Таврида, Татры* и т. п.), стран, городов, городских мест и достопримечательностей (*Арбат, Ваганьково, Большая Лубянка, Кремль, Лобное место, Новодевичий монастырь, Трехпрудный переулок, Архангельский, Благовещенский соборы; Версаль, Елисейские поля, Беллевию, Медон* и др.);
- 2) названия водных бассейнов — океанов (*Атлантика*), морей, рек, озер (*Влтава, Волга, Ладога, Днепр, Рейн, Рона, Ганг, Инд, Каспий* и др.);
- 3) разнородная группа, включающая названия церковных праздников (*Покров, Преображение*).

Цветаева часто включала в свои стихотворные строки и географические названия — топонимы. Их функциональная мотивированность может быть чисто тематической, может быть эстетической и даже социальной. Значительное место в художественной речи занимают **астионимы**. Автор нередко использует важнейшие в культурно-историческом развитии названия Европы.

Среди астионимов наблюдаем лидирование онима *Москва*. Безусловно, в нашем сознании это достаточно богатый спектр ассоциаций.

*У меня в **Москве**, - купола горят,*

*У меня в **Москве** – колокола звенят...*

Надо сказать, что к Москве у Цветаевой всегда было особенное отношение: здесь она родилась 26 сентября 1892 года, здесь она росла в небольшом особняке в старинном московском переулке, здесь она стала поэтом, отсюда в мае 1922 года уехала в эмиграцию и, наконец, сюда же, в Москву, вернулась с сыном летом 1939 с чужбины и отсюда, из Москвы в июле 1941 года она отправилась в эвакуацию, в свой последний путь, закончившийся 31 августа 1941 года в Елабуге.

***Москва!** Какой огромный*

Странноприимный дом!

*Всяк на **Руси** – бездомный.*

Мы все к тебе придем. (М. Цветаева. Москва!).

Москва здесь предстает центром русской духовности. Это в первую очередь связано с православными образами: свечи, купола, **Иверская**, колокола. Сердце города — вера («Иверское сердце/ червонное горит»),

*У меня в **Москве** — купола горят,*

*...над червонным моим **Кремлем***

Свою ночь простерла;

К Нечаянная Радости в саду

Я гостя чужеземного сведу;

Святая у меня сегодня Пасха...

Отметим некоторую эволюцию в поэтическом идиолекте М.Цветаевой. Сюжетная основа стихотворения во многих случаях сохраняется, но иной тип поэтического мышления качественно влияет на поэтический язык. Во-первых, он расширяется по составу за счет широкого привлечения стилистически окрашенных языковых элементов, а во-вторых, прямая номинация уступает место смещенной (метафорической) номинации. Это связано с иным уровнем познания мира, введением различных ипостасей (ролей) лирического субъекта, движением к исследованию структуры реальной действительности через язык

Москва для неё — столица, святыня, воплощение **России**. А Россия, родина — то, без чего немислима жизнь: «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, — тот потеряет её лишь вместе с жизнью».

Переливом колокольных звонов выражает свою любовь к Москве в цикле «Стихи о Москве» Марина Цветаева в 1916 году. Вспомним хотя бы восьмое стихотворение из этого цикла:

*Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.*

.....

*И льется аллилуйя
На смуглые поля.
- Я в грудь тебя целую,
Московская земля!*

Особое место в ряду географических названий, встречаемых нами в стихотворениях и поэмах М. Цветаевой, занимают слова **Русь, Россия, Советский Союз**. В отличие от многих других топонимов эти слова почти в каждом своем появлении в строках Цветаевой несут особую смысловую нагрузку, обладают особым ассоциативным фоном:

*- Сивилла! Зачем моему
Ребенку – такая судьбина?
Ведь русская доля – ему...
И век ей: **Россия**, рябина.*

Новое, острое значение приобретают названия **Русь, Россия** для поэтессы в те годы, когда, стремясь воссоединиться с мужем, Сергеем Эфроном, она попала на Запад и достаточно скоро поняла свою трагическую ошибку. М. Цветаева в силу жизненной связи своего таланта с судьбой Родины, не могла в

итоге не порвать с кругами эмиграции. Уважение и любовь к новой России, желание вернуться на родную землю и крайняя неуверенность в том, что это может случиться, звучат во многих произведениях Цветаевой последнего периода эмиграции. В «Стихах к сыну» поэтесса выстраивает яркую цепочку символов-названий: *Русь – Россия – СССР*. Здесь слово Русь выступает как символ патриархальной старины, как нечто давно и навсегда минувшее, ушедшее в века. Слово Россия Цветаева использует здесь как символ Родины, но утраченной ее поколением, точнее, частью ее поколения и среды, покинувшей отчий дом в час сомнений и тревог; Марина относит здесь себя к «отцам», которые потеряли надежду вернуться к родному порогу. Слово-аббревиатуру *СССР* поэтесса включает в ткань стихотворения как символ новой Родины, которая смогла доказать миру справедливость социального выбора русского народа, и сопровождает его эмоциональным эпитетом призывное:

*Ни к городу и ни к селу –
Езжай, мой сын, в свою страну...*

.....

*Да не поклонимся словам!
Русь – прадедам, Россия – нам,
Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР,-
Не менее во тьме небес
Призывное, чем SOS.*

Ярко, плакатно, правдиво звучит словосочетание *Советский Союз* в стихотворении «Челюскинцы», написанном 3 октября 1934года:

*Сегодня да здоровствует
Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь:
Челюскинцы – русские! (Челюскинцы).*

Это стихотворение интересно и тем, как неожиданно обыгрывает Цветаева слово челюскинцы, образованное от имени собственного «**Челюскин**»: появляются два образа – сжатые челюсти и челюсти льдин, стремившихся поглотить героических путешественников; одновременно поэтесса создает и индивидуально-авторский вариант фразеологизма «зубами вырвать» - челюстями вырвать. И все это строится, естественно, на ассоциативном фоне слов «**Челюскин**» и челюскинцы:

*Челюскинцы! Звук –
Как сжатые челюсти.
Мороз из них прет,
Медведь из них щерится.
И впрямь челюстями
- На славу всемирную –
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!*

Париж в стихах Цветаевой связан не только с годами горестной разлуки с Родиной. Еще шестнадцатилетней девочкой она самостоятельно побывала в Париже, где, кстати говоря, слушала курс старофранцузской литературы в Сорбонне. Тогда, в июне 1909 года, молодая, начинающая поэтесса, вступавшая во взрослую жизнь, назвала Париж «большим и радостным»:

*Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном **Париже**
Все та же тайная тоска.*

В стихотворении "Германии" (цикл "Стихи к Чехии" 1939) название **Словакии** понято как ее природная, неотъемлемая сущность: для обозначения активного действия, соответствующего этой сущности, оказывается необходим окказионализм:

*За здравие, **Моравия!**
Словакия, словачь!*

(Ср. например: *Богова! Богемия!*; *Ну, а Влтава — слава.*)

Лексическое и звуковое соседство служит, наряду с другими средствами, основой противопоставления, формирующего смысл высказывания:

*Пред горестью безмерною
Сей маленькой страны,
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны? ("Германии").*

В сфере грамматики выразительной формой для собственных имен является форма мн. ч. Механизм действия таких форм состоит в том, чтобы, дав образец конкретного референта, исходя из появления в нем какого-либо свойства, одновременно обозначить множество лиц или явлений, которые могут иметь иное собственное имя или вовсе не иметь его, но являться носителями того же свойства или свойств. Отсюда определяется круг употребления подобных форм: номинация через форму мн. ч. членов единого национального сообщества (*Егорки, Германы*), идентификация класса через характерное свойство, составляющее главную черту биографии лица, обозначенного собственным именем. Формы мн. ч. систематически входят в состав генитивных конструкций:

*Время, ты меня обманешь!
Стрелками часов, морицин
Рытвинами — и Америк
Новшествами... ("Хвала времени" 1923).*

— *новшества Америк* (а не Америки), так как явление "новшества Америки" может возникнуть в другой стране, но эффект будет тот же — "время обманывает". Этот механизм, позволяющий собственному имени стать номинацией класса по характерному свойству, в высокой степени отвечает основному смысловому принципу строения стихотворной речи: сочетания конкретности и обобщенности. Семантический потенциал таких форм обеспечен многообразием возможных референциальных расшифровок и уча

"Стихи к Чехии" насыщены топонимами. Они вступают в парадигматические ряды типа *чех — чехи — "наш" — Чехия — народ*. Здесь утверждается тождество единицы и множества, множества как цельного единства, и топоним выступает как общее имя для обозначения этого единства. За именем собственным устанавливается авторитет конкретного исторического примера (*Чтоб Градчанская гора — Да скалой Тарпейской!*), в том же стихотворении "Март": *мартовские игры — Мартовские Иды*.

Данный способ употребления собственных имен, естественно, не является единственным в поэтических произведениях М. Цветаевой конца 20-х — 30-х годов. Но он показывает то новое, что входит в поэтический идиолект М. Цветаевой в этот период и что прямым образом связывается с новой позицией и новым мироощущением лирического субъекта.

Помимо наименований населенных пунктов и территорий, в стихах М. Цветаевой мы находим гидронимы — названия водных объектов (*Нил, Нева, Ока, Днепр, Северный океан* и др.), оронимы — названия элементов земной поверхности (в основном горы: *Альпы, Татры, Кавказ* и др.), урбанонимы — названия внутригородских объектов (*Спасские ворота, Игнатьевские переулочки, Эйфелева башня*), дромонимы — названия путей сообщения (*Калужская дорога*). Не удивительно, что не единожды на страницах поэтических сборников Цветаевой встречаем мы слово **Кремль**:

*И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится — чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе — до зари.*

Или другой пример из цикла «Але» (1918 год):

*Когда-то сказала: - Купи!-
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль — твой от рождения. — Спи,
Мой первенец светлый и страшный.*

Следует заметить, что этот цикл посвящен дочери Марины Ивановны – Ариадне Эфрон, родившейся в 1912 году. От имени Ариадна поэтесса образует уменьшительно-ласкательную форму Аля.

Иногда наблюдаем окказиональное употребление М. Цветаевой отдельных топонимов, в частности, с грамматической точки зрения (например, придание грамматического значения множественного числа топониму, употребляющемуся только в единственном числе):

Время, ты меня обманешь!
Стрелками часов, морицин
Рытвинами – и Америк
Новшествами.... – Пуст кувшин! –
Время, ты меня обмеришь!

В наиболее известных изданиях стихов и поэм Цветаевой самыми частотными являются такие топонимы, как *Москва, Русь, Россия, Кремль, Париж*.

2.4 Функции мифонимов в лирике М.Цветаевой

Третьей значительной группой имен собственных, которые использованы в стихотворениях и поэмах, вышедших из-под пера М. Цветаевой, являются мифонимы, в частности мифантропонимы и мифотопонимы (*Афродита, Орфей, Эол, Феб, Ариадна, Див, Лета, Гебр* и др.). Мы находим их в произведениях Цветаевой самых разных периодов – от ранних до самых поздних, буквально последних.

И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон!
- - -
На льдине! Эол
Доносит по кабелю:

- На льдов произвол

Ни пса не оставили!

Использование Цветаевой мифонимов для создания ярких образов, для размышления о героических и трагических характерах и судьбах прямо связано с тем воспитанием, которое получила Марина Ивановна в семье, и с ее образованием.

Порой использование имен и названий, связанных с античной мифологией, очень помогало М. Цветаевой выразить мысли и чувства в отношении себя самой, создавать «автопортретные» стихотворные строки:

Какие чаянья – когда насквозь

Тобой пропитанный – весь воздух свыкся!

*Раз **Наксосом** мне – собственная кость!*

*Раз собственная кровь под кожей – **Стиксом!***

Примечательно, что в поэзии Цветаевой практически отсутствуют имена и названия, связанные со славянской мифологией. Среди единичных примеров можно привести употребление ею в стихотворении «На заре...» имени *Див*. Див – персонаж восточно-славянской мифологии, дважды упомянутый в «Слове о полку Игореве». Это стихотворение было одним из последних, которые М. Цветаева написала до отъезда за рубеж в 1922 году:

Око зрит – невидимейшую даль,

Сердце зрит – невидимейшую связь...

Ухо пьет – неслыханнейшую молвь...

*Над разбитым Игорем плачет **Див**.*

Однако именно на базе системного ряда старинных, древних. Фольклорных русских антропонимов Цветаева сама создала целую группу индивидуально-авторских антропонимических неологизмов: *Зорь-Лазаревна*, *Синь-Ладановна*, *Высь-Ястребовна*, *Зыбь-Радуговна*, *Глыбь-Яхонтовна* и др. В их основе лежат простые нарицательные слова, но образованы они по старинной русской фольклорной антропонимической модели. Примеры этого имятворчества Марины Цветаевой мы находим в основном в поэме

«Переулочки». Поэма эта создана по мотивам былины «Добрыня и Маринка» и пользовалась популярностью у читателей самых разных социальных слоев.

Разрумяниста моя

Знобь-Тумановна!

Лихоманочка моя

Лихомановна!

Или другой пример:

Котел без дна!

Ладонь-глубизна!

Лазорь, лазорь,

Синь-Озеровна...

В заключении об именах собственных в поэзии Марины Цветаевой хочется напомнить мысль, высказанную талантливым советским поэтом А. А. Тарковским в стихотворении «Имена»:

*А ну-ка, **Македонца** или **Пушкина***

*Попробуйте назвать не **Александром**,*

А как-нибудь иначе!

Не пытайтесь.

*Еще **Петру Великому** придумайте*

Другое имя!

Ничего не выйдет.

.. .. .

И можно кожу заживо сорвать,

Но имя к нам так крепко припечатано,

Что силы нет переименовать.

Хоть каждое затерто и захватано....

Марина Цветаева занимает особое место в русской поэзии. Этим она обязана своему необычному поэтическому дарованию, умению чувствовать русское слово, работать с русским словом, в частности, с именем, названием. «И невозможно себе представить, чтобы на любимом сборнике ее стихов и

поэм перед фамилией Цветаева стояло бы другое имя... *Ибо ей имя – Марина...*» [Горбаневский 1985].

2.4 Лекикографирование имен собственных

Важнейшей особенностью современной лексикографии является повышенный интерес к составлению новых лексикографических материалов, словарей различного объема, качества, типа, что, безусловно, связано с потребностью человека иметь надежные лексикографические источники в различных сферах деятельности.

В настоящее время усилился интерес лексикографов и к личным именам в составе художественных текстов. Большинство лингвистических исследований строится в плане наблюдения над своеобразием выбора и особенностями функционирования ономастической лексики в творчестве того или иного автора в целом или в конкретном произведении. Различные модели словарей поэтического ономастикона необходимы в качестве лексикографических форм систематизации богатого фактического материала, кроме того, в таких лексикографических сводках раскрываются секреты выразительности имен собственных.

В качестве основных задач составления поэтических ономастиконов можно выделить следующие:

- 1) показать, что именно из массы имен собственных выбрал мастер слова;
- 2) выявить своеобразие, особенности функционирования ономастической лексики в конкретном художественном тексте или в целой группе текстов;
- 3) исследовать функции имен в художественной речи;
- 4) выявить систему имен–эквивалентов, образующих полинимический ряд.

Словарная статья в поэтических ономастиконах может содержать, на наш взгляд, следующие характеристики: 1) краткая характеристика референта, соотносимого с указанным именем; 2) этимологическая справка (семантика производящей основы, характеристика структуры имени), тип онима; 3)

характеристика минимального контекста (стилистические особенности, функция имени); 4) имена-эквиваленты.

Описание системы имен собственных одного писателя позволяет дать весьма детальное, тщательное исследование закономерностей функционирования ономастической лексики в конкретных текстах.

Предлагаем фрагмент словаря, составленный на материале поэтических текстов М.Цветаевой.

АГАРЬ – в библейской мифологии – наложница Авраама, мать его первенца Измаила, преследуемая законной женой Авраама Сарой.

Мифоантропоним. Монолексемное образование.

Простоволосая **Агарь** – сижу.

В широкооую печаль – гляжу.

(Отрок).

Использование онима основано на легенде. Контекст не включает внутреннюю форму имени. Функция – скорее характеризующая, нежели номинативная (переходная форма).

АИД – в древне-греческой мифологии – подземное царство мертвых.

Мифоантропоним. Образовано от имени бога подземного царства **Аида** (Гадеса). Монолексемное образование.

Не ты ли

Её шелестящей хламиды

Не вынес –

Обратным ущельем Аида?

(Стихи к Блоку).

Использование онима основано на мифе об Орфее и Эвридике. Контекст не включает внутреннюю форму имени. Номинативная Функция сопряжена с символической.

БЕРЕЗОВ – город Тобольской губернии, служивший в середине восемнадцатого века местом ссылки государственных деятелей, куда после смерти Петра I был сослан А. Д. Меньшиков.

Топоним. Название естественно-географического характера (по растительности). Моноксемное образование.

...В красках досель не умерли! –

Труп, ледяную мумию

Тундры – останки мерзлые

Меньшикова – в Березове

(Сибирь).

Использование имени основано на конкретном историческом факте. Контекст не включает мотивацию внутренней формы имени. Номинативная функция.

ДАВИД – в библейской мифологии – юноша-пастух, ставший царем после Саула; обладал музыкальным даром, мог с помощью своих песен укрощать припадки безумия царя Саула.

Один из наиболее частотных образов в поэзии Цветаевой.

Антропоним.

Что твоя победа – поражение сонмов,

Знаешь юный Давид?

(Овраг).

Контекст не включает внутреннюю форму имени. Номинативная функция (обращение).

ИВАНИЩЕ ВАСИЛЬИЧ – Иван IV, Грозный – великий «князь всея Руси», первый русский царь.

Антропоним. Каноническое Иоанн восходит к сочетанию со значением Бог помиловал. Контекст включает имя и отчество.

Прыжками рысьими.

лисьими – к Покрову –
хвостами – не простыла чтоб
снедь, вольными людьми:

Иванищу Васильчу

Край Строгановыми
Как на ладони поданный

(Сибирь).

Использование онима основано на конкретном историческом факте. Контекст не включает мотивацию внутренней формы имени. Номинативная функция. Употребление онима необычно прибавлением суффикса субъективной оценки –ищ к имени в сочетании с отчеством.

ИВЕРСКАЯ – церковь Иверской Богоматери в Москве.

Урбаноним. Монолексемное образование (эллипсис).

Как золотой ларчик,

Иверская горит

(31 марта 1916).

Употребление основано на конкретном факте. Номинативная функция.

ЛЕТА – в др. – греч. мифологии – река в царстве мертвых, дарующая забвение. Мифотопоним.

Леты слепотекущий всхлип.

Долг твой тебе отпущен: слит

С **Летою** – еле-еле жив

В лепете сребротекущих ив

(«Леты слепотекущий всхлип...»).

Художественно-образная функция. В стихотворении используется звуковой облик имени. Интересны также окказионализмы: «сребролетейских вод», «слеполетейский мрак».

МАРИНА – имя Цветаевой. Антропоним; от лат. Морская. Один из самых частотных онимов.

Прочти, слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня **Мариной**
И сколько мне было лет

(«Идешь, на меня похожий...»).

Номинативная функция. Цветаева часто использует прием этимологизации собственного имени, вводя в поэтические строки слово-этимон.

ЯСЕН-ФЕНИСТ - от Финиста Ясна Сокола, героя русской сказки. Мифоантропоним. Восходит к имени героя сказки Финист.

Потомства
Свет. **Ясен- Фенист!**
(Сибирь)

Контекст мотивирует внутреннюю форму имени, не включая слова-этимоны. Художественно-образная функция

2.4. Русь, Россия в поэтических текстах М. Цветаевой (методическая разработка интегрированного урока)

Цели: На основе стилистического анализа стихотворения «Госка по родине!...» показать своеобразие поэтики М.И. Цветаевой; формировать навык анализа поэтического текста; показать трагичность мироощущения поэта, обречённого на странничество, дисгармонию его внутреннего состояния с окружающей жизнью; учить детей глубокому уважению к истории и культуре своей страны, внимательному и бережному отношению к чувствам человека, его душе.

Оборудование. Портрет М.И. Цветаевой; музыкальное оформление: прелюдия А.Скрябина до диез минор, соч. 9, № 1, песня «Монолог» на стихи М.И. Цветаевой в исполнении А.Пугачёвой; плакат-эпиграф со словами

М.И. Цветаевой: "Книга должна быть исполнена как соната. Знаки-ноты: в воле читателя осуществить или исказить"; плакат «Внимание: тропы!»; выставка книг М.И. Цветаевой и о ней; оформленная доска.

Предварительная подготовка к уроку

1. Чтение стихотворений М.И. Цветаевой.
2. Знакомство с жизнью и творчеством поэтессы.
3. Анализ стихотворения «Рябину рубили».
4. Самостоятельная работа над произведением «Тоска по родине!..» по общему плану анализа поэтического текста.

Ход мероприятия

I. Обращение к материалам на доске, к выставке книг, запись эпитафия.

II. Основной материал урока

Слово учителя. В русской литературе с лёгкой руки гения А.С. Пушкина соединены два слова: "поэт" и "пророк". В совокупности эти слова о том, кто рассекает определённое ему историей время, ограниченное гражданской принадлежностью пространством и обретает вечность. У любого большого поэта есть стихи-пророчества, ведь каждый настоящий поэт, по определению Д.В. Веневитинова, — мыслитель, философ. Есть пророческие строки и у М.И. Цветаевой, например стихотворение «Моим стихам, написанным так рано...».

Поэзия М.И. Цветаевой очень современна. Настал, безусловно, час её стихам. Вчитываясь в её строки, вдумываясь в её слово, постигая переменчивые чувства лирической героини, мы восстанавливаем облик М.И. Цветаевой, её духовный мир, её боль, её Россию. Анализ стихотворения «Тоска по родине!..» — это шаг на пути такого постижения.

(На фоне прелюдии до диез минор А.Скрябина звучит выразительное чтение стихотворения.)

Слово учителя. Стилистический анализ — кропотливая работа. Чтобы она была успешной, мы рассфокусируем свои усилия — трудиться над

вопросами будем в мини-группах. Обратите внимание на основной вопрос урока: "Какие стилистические особенности свойственны поэзии М.И. Цветаевой?"

Работа над выбранным заданием

1. Какие слова в той или иной вариации повторяются в стихотворении?
2. Найдите однокоренные слова слову "родной". Почему в стихотворении встречается целое родовое гнездо?
3. Какие пунктуационные знаки используются чаще всего? Каково их назначение?
4. Проследите за рифмой и стихотворным ритмом. В чём их своеобразие?
5. Каким изобразительно-выразительным средствам отведена ключевая роль в произведении?
6. Что говорит лирический герой о своём социальном статусе? Как варьируется это суждение? Для чего используются варианты одной и той же мысли?
7. Без каких строк стихотворение приобрело бы совсем иной смысл? Что позволяет утверждать: для М.И. Цветаевой "родина" и "рябина" — семантически близкие понятия?
8. О чём это стихотворение? У М.И. Цветаевой есть такая строка: "Я любовь узнаю по боли..." Как можно было бы сформулировать идею стихотворения, если опираться на эти слова?

(Подготовленное выразительное чтение стихотворения (повторное).

Читает ученик.)

Беседа по вопросам

Комментарии к ответам учащихся

В стихотворении М.И. Цветаевой постоянно повторяются слова: "всё равно", "всё едино". "Всё равно", "где брести", "быть вытесненной в себя", "где не ужиться", "где унижаться". Все равны, ни с кем нет кровной связи, душевного родства, ни к чему нет привязанности, нет веры: "Всяк дом мне

чужд, всяк храм мне пуст”. Нет родины: “Тоска по родине! Давно разоблачённая морока!”

Отрешённость ото всего и ото всех звучит в разных вариантах в этом стихотворении. Н.Берберова в книге «Курсив мой» вспоминает: “М.И. Цветаеву я видела в последний раз на похоронах <...> князя С.М. Волконского, 31 октября 1937 года. После службы в церкви на улице Франсуа-Жерар... я вышла на улицу. Цветаева стояла на тротуаре одна и смотрела на нас полными слёз глазами, постаревшая, почти седая, простоволосая, сложив руки у груди. Это было вскоре после убийства Игнатия Рейсса, в котором был замешан её муж С.Я. Эфрон. Она стояла, как зачумлённая, никто к ней не подошёл. И я, как все, прошла мимо неё <...> В Праге она (М.И. Цветаева) производила впечатление человека, отодвинувшего свои заботы, полного творческих выдумок, но человека, не видящего себя, не знающего своих жизненных... возможностей, не созревшего для осознания своих настоящих и будущих реакций. Её отщепенство... через много лет выдало её незрелость: отщепенство не есть, как думали когда-то, черта особенности человека, стоящего *над* другими, отщепенство есть несчастье человека — и психологическое, и онтологическое, — человека, незревшего до умения соединиться с миром, слиться с ним и со своим временем, то есть с историей и с людьми”. В стихотворении М.И. Цветаевой есть своеобразные повторы. Мы видим в тексте целое родовое гнездо однокоренных слов слову “родина”: *родным* (*роднее* — форма данного прилагательного), *родившаяся* (душа), *родимого* (пятна). В произведении им противопоставлены контекстуальные антонимы: *родина* — “госпиталь или казарма”, *родной* язык — “безразлично — на каком непонимаемой быть встречным!”, “*роднее* бывшее — всего” — “всего равнее”. (Здесь умышленно допущена грамматическая неточность: наречие, не имеющее степеней сравнения, употреблено в сравнительной степени — это знак своеобразной самоиронии.) А в словах “душа, родившаяся где-то” звучит глобальная отстранённость от конкретного времени и пространства. От связи с родной землёй вовсе не осталось следа:

*Так край меня не уберёг
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперёк!
Родимого пятна не сыщет!*

В частом использовании однокоренных слов есть определённый смысл. Трудно не согласиться с пословицей: "Где больно, там рука; где мило, там глаза". Сердце болит из-за отрешённости от родного, именно поэтому так горячо доказывается нелюбовь. Не только М.И. Цветаева, а многие, обречённые на странничество вихревыми годами социальных перемен, испытывали щемящую тоску по родине. Эта тоска определяла тематику и интонации их творчества. Обратимся вновь к воспоминаниям Н.Берберовой: "И в Мережковском, и Ремизове чувствовалась скрываемаемая ими страшной силы тоска по России. Скрывалась она постоянно, но прорывалась время от времени какой-то болью в лице, или в слове, или во взгляде, или ещё — в молчании посреди разговора".

Родина живёт в сердце героини стихотворения, именно поэтому так страстно звучит её монолог, так много эмоций в него вложено. Семь восклицательных знаков — свидетельство экспрессивности речи. В стихотворении на десять четверостиший — семнадцать тире. Их постановка связана со смысловым выделением слов и словосочетаний, эти знаки по-своему связаны с экспрессивностью поэтического монолога. Тире — любимый знак М.И. Цветаевой, он в смысловом отношении самый выразительный в русском языке. Нельзя поверить в равнодушие героини, если читаешь, что называется, "по нотам" (помним: "знаки-ноты"). В смысловом отношении значимо и многоточие. Особенно ощутима его роль в конце предложения.

*Но если по дороге — куст
Встаёт, особенно — рябина...*

Это многоточие красноречиво и однозначно: героиня навеки связана с родной землёй, если куст рябины вызывает трепет сердца, изболевшегося в вынужденной бездомности.

Интересно стихотворение и в интонационном отношении: от напевной и говорной интонации поэтессы переходит к ораторской, срывающейся на крик.

*Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!*

Обострённость мировосприятия М.И. Цветаевой не раз отмечалась в мемуарной прозе разных авторов. С.Эфрон, муж М.И. Цветаевой, пишет: "Марина — человек страстей... Отдаваться с головой своему урагану для неё стало необходимостью, воздухом её жизни. <...> Одна голая душа! Даже страшно".

Биение горячего, страстного сердца передаётся и ритмом стихотворения. В нём нет чёткой последовательности ударных и безударных слогов, здесь особый цветаевский ритм, которому не свойственна мерность. В стихотворении мы видим и особый цветаевский приём — использование *эмфатической паузы*, требуемой не синтаксисом, а напором чувств.

В начале своего творчества М.И. Цветаева больше романтик. Неоромантизм не оформился в русской литературе как особое течение, но в произведениях поэтессы мы видим черты романтического героя: чувство неизбежного одиночества, противостояние другим людям, уверенность в собственной исключительности. Некоторые литературоведы утверждают также, что М.И. Цветаева в 30-е годы стала преемницей футуризма по боковой линии. Не случайно в её лирике романтическое миропонимание соединено с футуристическими приёмами. Один из них — *антисинтаксический метрический строй*:

*...Где — совершенно одинокой
Быть...*

...Быть вытесненной — непременно —

В себя...

В строке не умещается неделимое в смысловом отношении словосочетание, синтаксическая конструкция.

Интересна рифмовка поэтического текста: нет выверенности, точности в рифме. Если клаузулы 1-й и 3-й строк — точная рифма, то 2-й и 4-й — неточная: "домой — базарной — мой — казарма", "среди — пленным — среды — непременно". Эта "неотточенность", нарочитая шероховатость — свидетельство сиюминутности речи, искренности.

Исследователи отмечают, что среди футуристических приёмов, свойственных М.И. Цветаевой, наиболее значимым оказывается *семантическое варьирование*. Оно представляет собой смысловой комплекс, где инвариант (основная мысль), часто представленный в метафорической форме, многократно обыгрывается вариантами, наполненными тем же значением. В качестве примера можно привести стихотворение М.И. Цветаевой «Мой день до глупости нелеп...». Подобный приём использован и в стихотворении «Тоска по родине!..». Сравнения, изобилующие в произведении, рождают варианты одной мысли: непреодолимо одиночество, неизбежна разорванность героини с родной землёй: "дом... как госпиталь или казарма", "...ощетиниваться пленным львом", "камчатским медведём без льдины", "бревно, оставшееся от аллеи".

С.Рассадин отмечает, что стихотворение «Тоска по родине!..», возможно, не самое знаменитое произведение М.И. Цветаевой, но оно хватает за душу, как немногие. Особое значение исследователь придаёт двум последним строкам. На протяжении 38 строк утверждалась привычная отторженность, а последние 2 строки полностью перевернули стихотворение, и тоска по родине, объявленная фикцией, "разоблачённой морокой", становится живой неизбежной болью. С.Рассадин пишет: "Приходит в голову мысль — странная, если не выразиться резче: а если, не приведи Бог, сердце остановилось на 38-й строке... что тогда мы сказали бы об этих стихах?"

Во многих произведениях М.И. Цветаевой понятия "родина" и "рябина" слиты воедино. Аллегорическая связь обозначена в стихотворении «Рябину рубили...», в нём есть поэтические строки, также скрепляющие это единство:

*Сивилла! Зачем моему
Ребёнку — такая судьбина?
Ведь русская доля ему...
И век ей: **Россия**, рябина...*

Россия, судьбина, родина, Марина — этот смысловой ряд смыкается понятием "рябина". Соотношение "родина–рябина" укладывается в формулу синекдохи. Мы понимаем, что нет темы больнее, чем тема России, нет единства прочнее, чем единство с духовностью, культурой своего народа. М.И. Цветаева в письме к Тесковой (1930) восклицает: "Как Вы глубоко правы — так любить Россию! Старую, новую, красную, белую — всю! Вместила же Россия — всё... Наша обязанность, вернее, обязанность нашей любви — её всю вместить".

Ответ на основной вопрос урока. Работа со словарём

антисинтаксический метрический строй

эмфатическая пауза

семантическое варьирование

инвариант

III. Итоги урока

Слово учителя. Мы начали разговор с пророчеств. К этой теме и вернёмся. Глеб Струве писал: "Зарубежная русская литература есть временно отведённый в сторону поток общерусской литературы, который — придёт время — вольётся в общее русло этой литературы". Мы уже не представляем этого "общего русла... литературы" без лирики М.И. Цветаевой, столь созвучной нашему времени. Послушаем ещё одно поэтическое признание.

(Звучит песня «Монолог» на стихи М.И. Цветаевой в исполнении А.Пугачёвой.)

IV. Задание. Сочинение «Стихотворение М.И. Цветаевой "Тоска по родине!.."». Оценка, восприятие, истолкование». Стихотворение (на выбор) наизусть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе предприняты попытки выявить основные факторы, определяющие степень стилистической эффективности, экспрессивные возможности ономастической лексики в художественной речи. В центре внимания исследования были строки поэтических произведений Марины Цветаевой. Исследованный материал позволяет сделать некоторые выводы.

Любое название есть знак, являющийся частью лексической системы языка. Оно выполняет прежде всего функцию индивидуализации (или идентификации) данного объекта в группе однотипных объектов. Практически любой оним образуется по основным законам языка и функционирует в речи в соответствии с её основными правилами и традициями.

Однако параллельно с функцией индивидуализации, имена собственные в художественных текстах выполняют и целый ряд других функций.

Имя собственное издавна служило одним из средств создания образности. Условно-поэтические имена (мифонимы), как правило, не соотнесены с реальным денотатом и употребляются номинативно, в сравнении, переносно, перифрастически. Такие имена имеют большую характерологическую стабильность по сравнению с именами нового времени. Онимы в обобщённо-символической функции возникают в речевой цепи непредсказуемо и создают эффект неожиданного воздействия. Обобщённо-символические имена создаются писателями благодаря переводу понятий и явлений из обыденных категорий в ранг общих и высоких.

Опора на ассоциативный компонент имени реализуется по-разному в каждом конкретном случае. Некоторые имена предаются забвению, перестают использоваться, события, некогда их выдвинувшие, отходят в прошлое и перестают быть актуальными. Круг собственных имён, используемых при ассоциативном сопоставлении, изменяется не только в зависимости от социальных преобразований, но и от развития самой культурно-литературной традиции. «Оживление» внутренней формы ономастической лексики может осуществляться в контексте с использованием описательных конструкций,

слов, синонимичных этимологическому значению имени; возможно функционирование имени без мотивации внутренней формы, как правило, это происходит с «именем-подтекстом», которое настолько этимологически прозрачно, что нет необходимости обыгрывать его внутреннюю форму.

Ещё более стилистически значимыми оказываются различные типы номинаций, порождение которых связано со стремлением писателя подчеркнуть тот или иной компонент в ассоциативном поле имени. Следовательно, работа над подбором имён собственных – трудоёмкий процесс. Поскольку они должны быть точными, стилистически верными, кроме того, художественный текст должен представлять умело выдержанную пропорцию наименований.

Наиболее стилистически эффективными и значимыми в художественной речи становятся имена собственные, созданные самими писателями. Авторские номинации содержат в себе богатую информацию, поскольку сам факт появления их связан со стремлением автора подчеркнуть тот или иной компонент в ассоциативном поле имени. Созданное писателем имя чаще всего наделено информацией внелингвистического характера. Автор весьма целенаправленно управляет вниманием адресата, выделяя в имени необходимые признаки, что отражает связь ономастического пространства с фактами из реальной действительности. Богатство авторских представлений, желание подчеркнуть наиболее значимый компонент в имени, - всё это порождает любопытные имена собственные в художественной речи, степень стилистической эффективности которых достаточно высока.

Характер использования онимов в художественной литературе исторически обусловлен. Каждый из писателей употребляет имя собственное в соответствии со своим творческим методом, конкретными идейно-художественными задачами в том или ином произведении. На употреблении имени собственного лежит печать определённой эпохи, литературного направления, отражается влияние мировоззрения писателя. Таким образом, одно и то же имя может служить разным целям.

Исходя из сказанного, можно заключить, что собственное имя, наряду с другими элементами языка, употребляясь в качестве компонента поэтического произведения, не является стабильным: используя в разнообразных грамматических конструкциях, в разных функциях, с разной целевой установкой, оно почти каждый раз претерпевает трансформацию. Такая трансформация, и смысловая, и экспрессивная, не только является свойством самого имени, но и в первую очередь зависит от контекстуальных условий. Благодаря контекстуальным условиям реализуются те возможности, которыми обладает собственное имя как определённый класс слов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Л. И. Семантика литературного антропонима// Русская ономастика. – Рязань, 1977.
2. Болотов В. И. К вопросу о значении имен собственных// Восточнославянская ономастика. – М., 1972.
3. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. – М., 1983.
4. Веди́на Т. Ф. Словарь личных имен. – М., 1999.
5. Веселовский С. Б. Ономастикон. – М., 1974.
6. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. – М., 2001.
7. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. – М., 1997.
8. Горбаневский М. В. «Мне имя – Марина...» Заметки об именах собственных в поэзии М. Цветаевой// Русская речь. – 1985. - №4.
9. Горбаневский М. В. В мире имен и названий. – М., 1987.
10. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. – М., 1988.
11. Горбачева О. Г. Специфика топонимического пространства волшебной сказки // Ономастическое пространство и национальная культура. Материалы Международной научно-практической конференции 14–16 сентября 2006 г. – Улан-Удэ. 2006. – С. 185–187.
12. Зевина И. В. Выбор личного имени героя художественного произведения как коммуникативно-прагматическая парадигма // Филология на рубеже тысячелетия. – Ростов-на-Дону, 2000. – Вып. 2. – С. 153–156.
13. Зубова Л. В. «По следу слуха народного и природного» (язык поэзии М. Цветаевой и истории языка)// Динамики русского слова: Межвузовский сборник статей к 60-летию проф. В. В. Колесова. – СПб., 1994.
14. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект. – Л., 1989.
15. Избранные труды по филологии. – М., 1966.
16. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речевые одежды Москвы//РР. – 1994. - №2

17. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) // Русский язык конца XX столетия. (1985 – 1995). – 2-е издание. – М., 2000.
18. Ковалев Г. Ф. М. И. Цветаева и имя // Эйхенбаумовские чтения. – Воронеж, 2000. – С. 22–24.
19. Корнилов В. Антиподы (Цветаева и Ахматова) // Марина Цветаева: Норвические симпозиумы по русской литературе и культуре / Под ред. С. Ельницкой и Г. Эткинда. – Норфилд, 1992.
20. Левина Э.М. «Ономастическое пространство в художественной речи». – Белгород, 2003.
21. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
22. Лукошкова О. И. Система именованных персонажей художественного произведения как способ характеристики // Традиции славяно-русской словесности в Тюмени. – Тюмень. 2002. – С.74–77.
23. Магазаник Э.Б. Имена собственные в художественной литературе // Русская речь. – 1968. - №3.
24. Магазаник Э. Б. Ономопэтика, или «говорящие» имена в литературе. – Ташкент, 1978.
25. Мифы народов мира: В 2 т. – М., 1988
26. Михайлов В. Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // ФН. – 1966. - №1.
27. Морозова М. Н. Имена собственные русского языка (географические названия). Ч.2. – М., 1977.
28. Намитоков Р. Ю., Абрегов А. Н. В мире имен собственных. – Майкоп, 1998.
29. Никольская Т. Е. Ассоциативное поле личного имени // Семантика языковых единиц: Доклады IV Международной конференции. Ч. 1. – М., 1998.
30. Никонов В. А. Имена персонажей // Поэтика и стилистика русской литературы. – М., 1971.

31. Никонов В. А. Имя и общество. – М., 1974.
32. Ономастика. Сборник статей. – М., 1979.
33. Основы ономастики. Методическое пособие по спецкурсу и спецсеминару./Сост. А. К. Матвеев. – Свердловск, 1973.
34. Павловский А. Н. Куст рябины. О поэзии Марины Цветаевой. – Л, 1989.
35. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. 3-е издание. – М.: Рус. яз., 1984.
36. Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь. – М., 1998.
37. Правдикова А. В. Антропонимы в прозе П. Г. Вудхауса в аспекте перевода // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов IX Международной конференции (Волгоград, 9–12 сент. 2002 г.). – Волгоград, 2002.. – С.44–46.
38. Рацен Т. И. Информационная насыщенность имен собственных в поэме А. С. Пушкина «Домик в Коломне» // Сибирская Пушкиниана. – Тюмень, 2003. – С. 86–89.
39. Ревзина О. Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т. Т. 2. – М.. 1998.
40. Ревзина О. Г. Собственные имена в поэтическом идеолекте М. Цветаевой // Поэтика и стилистика. – М., 1991.
41. Рогалев А. Ф. Евгений Онегин: имя с подтекстом // Пушкинский сборник (к 200-летию со дня рождения). – Гомель, 2000. – С. 99–101.
42. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.. 1976.
43. Рублева О. Л. Имена собственные в произведениях А. С. Пушкина (к вопросу о лексикографическом описании имен) // Словоупотребление и стиль писателя. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 224–232.
44. Рут М. Э., Ширихина Е. В. Словарь астронимов в русской поэтической речи // Словесность и современность. – Пермь, 2000. – Ч. 2. – С. 144–120.
45. Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М., 1999.
46. Саакянц А. А. Тайный жанр: очерки о М. Цветаевой. – М.. 1986.

47. Саакянц А. А. Три Москвы Марины Цветаевой // Поклонись Москве... - М., 1989.
48. Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. – М., 1982.
49. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М., 1995.
50. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М., 1973.
51. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований. – М., 1986.
52. Суперанская А. В. Что такое топонимика? – М., 1985.
53. Таич Р. У. Опыт антропонимического словаря писателя // Антропонимика/ Ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. – М., 1970.
54. Тамарченко А. Диалог Марины Цветаевой с Шекспиром. Проблема «Гамлета»// Марина Цветаева: Норвические симпозиумы по русской литературе и культуре / Под ред. С. Ельницкой и Г. Эткинда. – Норфилд, 1992.
55. Теория и методика ономастических исследований. – М., 1986.
56. Топорцев И. С. Очерк русской ономазиологии. – Л., 1970.
57. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. М., 1929.
58. Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твое имя. – Л., 1974.
59. Федорова М. В. Русские имена в XX веке. - Белгород, 1995.
60. Флоренский П. А. Имена. – М., 1998.
61. Фонякова О. И. Имя собственное. Учебное пособие. – Л., 1990.
62. Фонякова О. И. Имя собственное как семантико-прагматическая универсалия художественного текста и ее описания в словаре // Хабарши вестник. Филология серия. – Алматы, 2004. – № 6 (78). – С. 50–52.
63. Фролов Н. К., Липихина Е. Л. Функции антропонимов в художественном тексте для детей. (На материале произведений Н. Н. Носова, С. Я. Маршака) // Изучение родного языка в полиэтнической Тюменской области. – Тюмень, 2004. – С. 84–93.
64. Харченко В. К. Писатель Сергей Есин: язык и стиль. Монография. – М., 1998.

- 65.Шестакова Л. Л. Состав и структура словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века» // Слово в словаре и дискурсе. – М., 2006. – С. 758–764.
- 66.Энциклопедический словарь по культурологии. / Под ред. А. А. Радугина. – М., 1997.
- 67.Язык и наука конца XXвека. – М.. 1995.
68. Яровая Т. Ю. Антропонимия в произведениях И. А. Бунина // И. А. Бунин в диалоге эпох. – Воронеж, 2002. – С. 177–183.

